М.В. Стрелец

Эрих Хонеккер в интерьере реалий XX века: ключевые аспекты современного осмысления

Рассматриваются ключевые аспекты политического профилирования многолетнего руководителя Германской Демократической Республики Эриха Хонеккера. Автор концентрирует внимание на значимых сегментах политической биографии этого деятеля: участие в германском коммунистическом движении, роль в разработке и осуществлении внутренней и внешней политики социалистического германского государства.

Ключевые слова: Берлинская стена, Веймарская Германия, Германская Демократическая Республика, германский вопрос, коммунистическая диктатура, социализм, Социалистическая единая партия Германии, тоталитаризм.

Среди германцев, которые весьма активно профилировали себя в политических процессах новейшего времени, особое место занимает Эрих Хонеккер, который без малого два десятка лет был высшим руководителем Германской Демократической Республики (ГДР).

Политический выбор Эриха Хонеккера был детерминирован той обстановкой, в которой он родился и рос. Будущий политик был четвертым ребенком в семье шахтера Вильгельма Хонеккера, включавшей 6 детей. Эрих Хонеккер появился на свет 25 августа 1912 г., т.е. в преддверии Первой мировой войны, в Вибельскирхене, который расположен в саарском округе Нойнкирхен. Первая мировая война имела тяжелейшие последствия для саарских рабочих семей. Саар вступил в поствоенный период будучи, во-первых, уже не германским, во-вторых, в состоянии системного социально-экономического кризиса и, в-третьих, с новыми хозяевами угольных шахт, на одной из которых трудился Вильгельм Хонеккер. В многодетной семье Вильгельма и Каролины Катарины Хонеккеров никак не прибавилась уверенности в завтрашнем дне после появления французской оккупационной администрации. В свете изложенного становится вполне объяснимым раннее политическое возмужание Эриха Хонеккера. Десятилетним он входит в коммунистическую детскую группу в Вибельскирхене, в четырнадцать лет пополняет корпус членов Коммунистического союза молодежи Германии (КСМГ, KJVD), а через три года становится членом Коммунистической партии Германии (КПГ). У Эриха рано стали проявляться лидерские качества. В 1928 г. он стал руководителем местной группы КСМГ.

Была своя логика в том, что комсомолец Хонеккер сначала прошел крестьянские, а затем нацелился на рабочие университеты. После школы он не нашел сразу места учебы и два года трудился у крестьянина в Померании. В 1928 г. юноша возвращается назад в Вибельскирхен и начинает у своего дяди обучение сложному ремеслу кровельщика. Правда, это обучение было прервано по причине появления в биографии комсомольца марксистско-ленинских образовательных университетов. КСМГ направил своего подающего надежды члена на учебу в международную ленинскую школу Коммунистического интернационала молодежи в Москву. Учеба в СССР (1930–1931 гг.) укрепила в нем приверженца фундаменталистского течения в марксизме, а самые теплые воспоминания о том времени Хонеккер пронесет через всю жизнь.

Пополнив в 1930 г. членский корпус КПГ, Хонеккер оставался коммунистом до конца жизни, т.е. без малого две трети века. Политическим крестным отцом молодого коммуниста был Отто Нибергаль, который позднее был депутатом бундестага от КПГ. После своего возвращения из Москвы выпускник международной ленинской школы возглавил окружную организацию КСМГ Саарской области. После прихода нацистов к власти он смог еще больше почувствовать разницу между Германской империей и Сааром, который не входил в эту империю. В Германской империи в отличие от Саара коммунисты могли действовать только подпольно. Коммунист Хонеккер был арестован в Германии, но все-таки был вскоре отпущен. Он вернулся в 1934 г. в Саар и участвовал вместе с Йоханнесом Хофманом в кампании против присоединения Саара к Германии. Однако результаты плебисцита от 13 января 1935 г. показали безуспешность этой кампании. Как и многие другие противники присоединения, Хонеккер бежал, сначала во Францию.

28 августа 1935 г. он отправился нелегально в Берлин под псевдонимом «Мартен Тяден» с целым багажом печатной продукции [12]. В сопротивлении нацистскому режиму он тесно взаимодействовал с видным функционером КПГ Гербертом Венером, который после Второй мировой войны вступил в СДПГ и сделал в ней внушительную карьеру. В декабре 1935 г. Хонеккер был арестован гестапо, до 1937 г. содержался в берлинской тюрьме Маобит. В июне 1937 г. он был осужден на десять лет тюрьмы, в то время как обвиняемый по той же статье Бруно Баум получил тринадцатилетний срок. Будущий руководитель ГДР был посажен в тюрьму Бранденбург-Гёрден, расположенную в квартале Гёрден города Бранденбурга. Весной 1945 г. ему вследствие наличия руководящих способностей была поручена специально выделенная группа рабочих в женской тюрьме на Барнимштрассе в Берлине. 6 марта 1935 г. во время бом-

бардировки Хонеккеру удался побег. Он спрятался в квартире тюремной надзирательницы. Через несколько дней Хонеккер по ее совету доложил о своем возвращении в тюрьму. Надзирательца и командир строительной части смогли скрыть его побег от гестапо, и Хонеккер был перемещен в Бранденбург. После освобождения тюрьмы Красной Армией 27 апреля 1945 г. он направился в Берлин. Его не отрицаемый сокамерниками побег в Бранденбург, его исчезновение в Берлин, его обратная информация, его неучастие в сплоченном марше освобожденных коммунистических узников в Берлине, его связь с тюремной надзирательницей готовили для Хонеккера будущие внутрипартийные трудности и обременяли его отношения с бывшими сокамерниками [11, с. 6]. Происходившие события Хонеккер фальсифицировал в своих воспоминаниях и интервью [6].

В мае 1945 г. Хонеккер скорее случайно был «подобран» Гансом Мале в Берлине и взят в группу Ульбрихта. Благодаря Вальдемару Шмидту Хонеккер познакомился с Вальтером Ульбрихтом, которого он до этого лично не знал. До лета вопрос о конкретных функциональных обязанностях деятеля КПГ не был решен, т.к. предстояло партийное расследование, которое закончилось вынесением строгого выговора. Ему, в частности, припомнили побег с тюрьмы в начале 1945 г. Между тем ему довольно быстро удалось завоевать расположение со стороны как Ульбрихта, так и советской военной администрации в Германии (СВАГ). Для будущей карьеры Хонеккера принципиально важное значение имела его причастность к Союзу свободной немецкой молодежи (ССНМ) в качестве сооснователя и первого председателя. С момента объединительного съезда КПГ и СДПГ в апреле 1946 г. данный деятель был членом СЕПГ.

Политическая карьера Эриха Хонеккера целеустремленно продолжалась в основанной в октябре 1949 г. ГДР, реальной социалистической партийной диктатуре. Как председатель ССНМ он организовал с 1950 г. три германские встречи молодежи в Берлине и спустя месяц после первой германской встречи был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК СЕПГ [11]. Во внутрипартийных дискуссиях на предмет народного восстания 17 июня 1953 г. Хонеккер вместе с Германом Матерном стал на сторону Ульбрихта, которого большинство членов политбюро во главе с Рудольфом Герштадтом попыталось свергнуть. 27 мая 1955 г. он передал председательство в ССНМ Карлу Намокелю. С 1955 по 1957 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ проходил очередные образовательные университеты в Москве и пережил там доклад Хрущёва на XX съезде КПСС, посвященный десталинизации. Пребывание в Москве стало прологом для дальнейшего карьерного роста Э. Хонеккера. После своего возвращения он в 1958 г. стал членом Политбюро ЦК СЕПГ, где

нес ответственность за вопросы военной политики и политики безопасности. В качестве секретаря ЦК СЕПГ по вопросам безопасности он был ключевым организатором строительства Берлинской стены в августе 1961 г. и в этой функции причастен также к приказу стрелять на внутригерманской границе.

Действуя в команде сталиниста Ульбрихта, Э. Хонеккер официально поддерживал выдвинутый им лозунг: «перегнать ФРГ, не догоняя» [1, с. 248]. Стремясь наполнить данный лозунг реальным содержанием, Ульбрихт не знал иных методов, кроме методов сталинской эпохи, став в конечном итоге олицетворением политической маниловщины.

Амбициозный Хонеккер стремился брать новые политические высоты, надеясь на поддержку Кремля. Он был прекрасно осведомлен о том, что с конца 1960-х гг. в Москве выражали недовольство Ульбрихтом и подыскивали ему замену. После подавления «пражской весны» 1968 г. советское руководство мог удовлетворить только всецело преданный Кремлю неосталинист. Хонеккер идеально подпадал под эту характеристику. 3 мая 1971 г. он становится преемником Ульбрихта в качестве Первого секретаря (с 1976 г. – Генерального секретаря) Центрального комитета СЕПГ. После того, как этот деятель возглавил также в 1971 г. в качестве преемника Ульбрихта Национальный совет обороны, Народная палата наконец избрала его 29 октября 1976 г. Председателем Государственного совета. Вилли Штоф, который занимал данный пост с 1973 г., вновь, как и до 1973 г., стал Председателем Совета Министров ГДР. Тем самым Хонеккер оказался на вершине власти.

При Хонеккере, как и при Ульбрихте, был очевиден интеллектуальный и образовательный разрыв между первыми лицами ГДР и ФРГ. Этот разрыв постоянно был в пользу последних. Одновременно с Хонеккером в ФРГ первыми лицами были Брандт, Шмидт, Коль. У Брандта был талант журналиста. У Шмидта было международное признание как эксперта по экономическим и военно-стратегическим проблемам. Коль имел докторскую степень по политологии. Брандт и Шмидт воспринимались соотечественниками как прирожденные ораторы. Касательно Хонеккера нет оснований говорить ни о серьезной образованности, ни об интеллекте, ни о высокой речевой культуре, ни о хорошем немецком. Не иначе как двумя крайностями можно было назвать косноязычность Хонеккера и выдающиеся ораторские способности Шмидта, отталкивающий провинциальный диалект Хонеккера и блестящий немецкий Шмидта.

При Хонеккере, как и при Ульбрихте, первые лица ГДР и ФРГ действовали в совершенно несовместимых системах политических координат, имели разные по силе рычаги в процессе разработки и принятия реше-

ний. В отличие от канцлерской демократии в ФРГ, Хонеккер сразу же стал опираться на весьма узкий круг лиц. Отныне он решал все важнейшие вопросы с секретарем ЦК СЕПГ по экономическим вопросам Гюнтером Миттагом и министром госбезопасности Эрихом Мильке. До 1989 г. «маленькая стратегическая клика» из этих трех человек неприкосновенно стояла во главе господствующего класса ГДР, старевшей монопольной элиты из приблизительно 520 государственных и партийных функционеров [11, с. 12].

Наиболее близким сотрудником Хонеккера был секретарь ЦК СЕПГ по агитации и пропаганде Йоахим Херман. С ним он ежедневно проводил обсуждения медийной работы партии, на которых устанавливались лояльность главного органа СЕПГ газеты «Новая Германия» и последовательность подачи информации в «Актуальной камере». Подобное значение Хонеккер придавал также сфере безопасности, которую он каждый раз после заседания политбюро подробно обсуждал с Эрихом Мильке. Многолетним секретартм Хонеккера была Элли Кельм [Там же, с. 13].

Смена высшего руководителя в ГДР не означала изменения базиса сложившейся в эпоху Ульбрихта социально-экономической и политической системы. Вместе с тем уже VIII съезд СЕПГ, проходивший через полтора месяца после данного события, послал соотечественникам Хонеккера сигналы, которые стоили того, чтобы обратить на них внимание. Стали очерчиваться контуры эпохи, в рамках которой Первый секретарь ЦК СЕПГ «расширил масштабы социально-политического компромисса с собственным населением» [1, с. 248]. В то время как Ульбрихт сместил экономическую политику в центр, Хонеккер провозгласил в качестве главной задачи «единство экономической и социальной политики» [13].

Можно однозначно утверждать, что указанная главная задача успешнее всего решалась первые пять лет. Именно в эти годы страна имела самые лучшие за всю эпоху Хонеккера экономические показатели, что создавало ресурсную базу для позитивной динамики реальных доходов ее граждан. Данные доходы «увеличились на треть. Хотя по сравнению с ФРГ средний доход на душу населения в ГДР оставался низким, широкая сеть дошкольных учреждений, бесплатное и качественное медицинское обслуживание, дотированные государством низкие цены на продукты питания, символический разрыв квартплаты позволяли говорить о том, что реально восточные немцы получают не одну, а две заработные платы» [3, с. 359]. Весьма успешно выполнялась и «принятая VIII съездом СЕПГ масштабная программа строительства жилья, рассчитанная на период до 1990 г.» [1, с. 249].

Однако с середины 1970-х гг. в социально-экономическом развитии ГДР начинает прослеживаться все меньше позитива. Есть все основания считать, что страна вступила тогда в эпоху застоя.

«Застойные явления в экономике вылились в кризис 1977–1979 гг., порожденный прежде всего ростом цен на сырье и энергоносители. СССР, сам испытывавший серьезные хозяйственные трудности, уже не проявлял готовности к их поставкам своим союзникам по “братским ценам”. Накануне первых платежей по западным кредитам в 1978 г. Хонеккер был вынужден признать угрозу “валютной катастрофы”. (Он. – *М.С.*) видел спасение в ускоренном развитии торгово-экономических связей с ФРГ. Кроме того, значительные средства руководство ГДР получало за использование транзитных путей в Западный Берлин. Наполнению валютной кассы государства способствовал обязательный обмен валюты при посещении ГДР западными немцами, постоянно изыскивались все новые пути выравнивания платежного баланса. Дело доходило до изъятия почтовым ведомством валюты, вложенной в почтовые отправления из ФРГ. Несмотря на все усилия властей, внешняя задолженность ГДР к 1989 г. достигла 50 млрд. западногеманских марок (в 1971 г. она составляла 2 млрд., в 1981 г. – 10 млрд. марок)»[1, с. 251].

Однозначно контрпродуктивными оказались форсированные в эру Хонеккера национализация и централизация. Подобное форсирование сочеталось с упорным нежеланием генсека вводить в восточногерманской экономике хозяйственный расчет. В этой связи интересно отметить, что его предшественник в 1963 г. решился на подобный шаг, но через три года сделал обратный ход. Такие эксперименты не имели места в социально-экономической политике, проводимой Эрихом Хонеккером.

К 1989 г. возник невиданный разрыв между уровнями социально-экономического развития обоих германских государств. Экономика тогдашней ГДР представляла собой предел возможностей системы государственно-монополистического социализма. На повестке дня встал вопрос о необходимости трансформации существовавшей системы.

Как любой политик, руководитель ГДР Эрих Хонеккер, естественно, не мог не уделять внимание обновлению идеологического арсенала. Выполняя социальный заказ коммунистического режима, приближенные к генсеку идеологи искали такие формулировки для ключевых партийно-государственных документов, которые бы убедительно отразили специфику восточных немцев. Западным немцам был послан сигнал о том, что стала реальностью «социалистическая немецкая нация». В эру Хонеккера «из названий официальных институтов ГДР исчезло прилагательное “германский”, перестал исполняться текст гимна, напи-

санный в 1949 г. и рисовавший образ единой родины всех немцев» [1, с. 251].

Во внутриполитическом плане тенденция к либерализации обозначилась сначала, прежде всего, в области культуры и искусства, что в меньшей степени было вызвано переходом властных полномочий от Ульбрихта к Хонеккеру, а, скорее всего, служило пропагандистским целям в рамках проводимого в 1973 г. в Берлине X Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Однако она оказалась скоротечной. Несколько позднее последовали лишение гражданства противников коммунистического режима, среди которых активно выделялся Вольф Бирман, и подавление внутриполитического сопротивления структурами госбезопасности. К тому же Э. Хонеккер высказывался за дальнейшее обустройство границы самострелами и безоговорочное применение огнестрельного оружия при попытках пересечения границы. В 1974 г. лидер ГДР говорил о том, что «следует наградить товарищей, которые применяли огнестрельное оружие» [11, с. 33].

Эра Хонеккера была отмечена преемственностью и обновлением и в области внешней политики. Ее главными приоритетами оставались стратегический союз с СССР, перманентная систематическая активность в рамках мирового социалистического содружества. Вместе с тем Хонеккер в первой половине 1970-х гг. четко обозначил причастность своей страны к разрядочным тенденциям в отношениях между социалистическим и капиталистическим лагерями. Об этом свидетельствовали Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ, активное участие Восточного Берлина в общеевропейском совещании по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, подписание Первым секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Заключительного акта данного совещания. Реальная причастность к указанным тенденциям имела в качестве своих последствий широкое дипломатическое признание ГДР, полноправное членство социалистического немецкого государства в Организации Объединённых Наций. Это означало, что Хонеккер всего лишь за несколько лет смог достичь во внешнеполитическом плане гораздо больше, чем Ульбрихт за 22 года своего правления.

Конечно, Хонеккеру, как и Ульбрихту, приходилось действовать в условиях жестких международно-политических лимитов. После того, как Кремль сменил в своей политике разрядочный вектор на противоположный, соответствующая тенденция стала прослеживаться и в курсе Восточного Берлина. Вместе с тем Восточный Берлин гораздо раньше, чем Москв, пошел на очевидные изъятия из антиразрядочной политики, что стало явственно проявляться в начале 1980-х гг.

Теоретической основой для подобных изъятий явилась разработанная в ГДР в 1981–1983 гг. концепция создания международной «коалиции разума и реализма». Концепция «коалиции разума и реализма» представляла собой «обновленную внешнеполитическую стратегию ГДР в отношении Запада и рассматривалась руководством как механизм межсистемного сотрудничества. За внешне цветистой фразеологией и абстрактными формулами борьбы за мир новая внешнеполитическая стратегия преследовала сугубо прагматичные цели по поиску возможно большего числа точек соприкосновения с развитыми капиталистическими странами. Но главным ее адресатом была ФРГ» [2, с. 293].

Одним из наиболее очевидных проявлений настоящей стратегии было сближение подходов ФРГ и ГДР к проблемам военной разрядки в Европе. Так, в отличие от советского руководства, возглавляемого смертельно больным К.У. Черненко, лидер ГДР более трезво и реалистично подходил к военно-политическому аспекту германо-германских отношений. В Бонне позитивно оценили предпринятый Восточным Берлином демонтаж автоматически действовавших огневых точек на внутригерманской границе [14, с. 222].

Свобода маневра Хонеккера в области внешней политики стала резко возрастать весной 1985 г., когда началась горбачевская перестройка, означавшая возникновение нового этапа в советской политике в германском вопросе. СССР впервые фактически признал суверенитет ГДР. Он прекратил вмешательство во внутренние дела ГДР, перестроил свою военную доктрину в интересах безопасности Восточной Германии, полностью вывел с ее территории ОТР, уничтожил ракеты СС-20, занял действительно конструктивную позицию на переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе от Атлантики до Урала.

Новые реалии предопределили «визит в ФРГ в сентябре 1987 года генерального секретаря ЦК СЕПГ, председателя Государственного совета ГДР Э. Хонеккера. Это был первый в истории официальный визит руководителя восточногерманского государства в ФРГ» [2, с. 296].

Вместе с тем эти реалии имели следствием появление очевидного проблемного комплекса. Действуя в условиях реального суверенитета своей страны, руководство ГДР вынужденно было решать уравнение со многими неизвестными. Главное неизвестное в этом уравнении – рецептура противодействия неуклонному сокращению, детерминированному как внешними, так и внутренними факторами, социальной базы коммунистического режима.

С периодом горбачевской перестройки совпало резкое повышение результативности политики «малых шагов», проводимой правительством

христианско-либеральной коалиции в ФРГ. Российская исследовательница Е.В. Цедилина справедливо отмечает: «Взяв курс на последовательное расширение гуманитарных контактов в обмен на оказание экономической поддержки правительству Хонеккера, оно заметно преуспело в деле усиления чувства взаимного тяготения к общей национальной принадлежности немцев по обе стороны внутригерманской границы, способствовало все большей ориентации восточных сограждан на западную систему ценностей.

В этот период в ГДР вызревало оппозиционное движение, состоящее преимущественно из правозащитников и критиков существующего режима, “крышу” которым предоставила евангелическая церковь. Круг интересов оппозиции охватывал проблемы защиты прав человека, обеспечения мира, разоружения и охраны окружающей среды. При этом планировалось проведение соответствующих реформ, однако вопрос о существовании ГДР не поднимался. К середине 1989 года оппозиционные группы насчитывали в своих рядах всего 500 человек, но их настроения разделяли сотни тысяч» [8, с. 235].

В этих условиях режим Хонеккера оказался перед дилеммой: начать по примеру СССР перестройку и тем самым пойти навстречу оппозиции или ничего не менять, давая козыри в руки сторонников перехода к политике «больших шагов». Хонеккер и его окружение выбрали последнее.

Глава гэдээровских неосталинистов стремился максимально оградить соотечественников от информационного потока, содержательной стороной которого выступали перестроечные идеи. Он не собирался адекватно реагировать на тот факт, что не один и не два десятка тысяч его соотечественников, а гораздо более стремительно стали посольскими беженцами. Не было четко продуманной реакции Хонеккера и на массовый выход из СЕПГ. Для мыслящего категориями сталинской эпохи деятеля гораздо проще было искусственно создавать образ врага, чем признавать собственные ошибки и просчеты [9]. В то время, как его коллеги в ряде стран соцлагеря садились за стол переговоров с оппозицией, Хонеккер квалифицировал последнюю как агентуру мирового империализма, угрожавшую «социализму в цветах» ГДР. Генсек ЦК СЕПГ фанатично верил в перспективу именно этого социализма [11, с. 114]. 7 октября 1989 г., в 40-ю годовщину со дня образования ГДР, он заявит четко и ясно: «Ни бык, ни осел не могут остановить прогресс социализма» [10]. Рост числа посольских беженцев он никак не связывал с необходимостью задуматься о судьбе Берлинской стены. 19 января 1989 г. соотечественники услышали от Хонеккера буквально следую-

щее: «Стена будет стоять еще 50 и даже 100 лет, если не будут устранены причины для этого» [10].

Принципиально важно отметить, что, участвуя в торжествах, посвященных 40-летию образования ГДР, советский лидер М.С. Горбачев в очередной раз сигнализировал Хонеккеру о том, что альтернативы перестройке быть не может. Генсек ЦК СЕПГ не мог не слышать бурных возгласов большой массы своих соотечественников: «Горби, помоги нам!» [11, с. 167]. Однако он оставался непреклонным и в беседе в формате один на один с генсеком ЦК КПСС всячески расписывал достижения «социализма в цветах» ГДР. Между тем гость из Москвы был прекрасно осведомлен о том, что ГДР в действительности оказалась в состоянии неплатежеспособности.

В конце кризисного заседания 10 и 11 октября 1989 г. политбюро ЦК СЕПГ потребовало от Хонеккера представить до конца недели доклад о реальном положении дел, был отменен запланированный государственный визит в Данию и опубликовано заявление, которое член Политбюро ЦК СЕПГ, секретарь ЦК СЕПГ Эгон Кренц провел вопреки сопротивлению Хонеккера [Там же, с. 170]. В последующие дни также преимущественно по инициативе Кренца имели место обсуждения и зондажи по вопросу о том, чтобы побудить Хонеккера к отставке. Кренц заручился поддержкой армии и структур госбезопасности (штази) и устроил встречу между Михаилом Горбачёвым и членом Политбюро ЦК СЕПГ Гарри Тишем, который проинформировал кремлёвского шефа на исходе московского визита за день до заседания о запланированном свержении Хонеккера. Горбачёв пожелал большого успеха, что было знаком, которого ожидали Кренц и другие члены политбюро. Главный идеолог СЕПГ Курт Хагер также летал 12 октября 1989 г. в Москву и обсуждал с Горбачёвым обстоятельства отставки Хонеккера. Специально отметим, что будущий руководитель ГДР Ганс Модров, занимавший тогда пост первого секретаря Дрезденского окружкома СЕПГ, уклонился от участия в заговоре против Хонеккера, хотя к нему и обращались с подобным предложением [Там же, с. 178].

Намеченное на конец ноября 1989 г. заседание ЦК СЕПГ было перенесено на конец недели, со сверхсрочным пунктом повестки дня: состав Политбюро. Вечером 16 октября Кренц и Эрих Мильке пытались благодаря телефонной связи добиться согласия других членов политбюро на отстранение Хонеккера. В начале заседания политбюро 17 октября 1989 г. Хонеккер обычным голосом спросил: «Имеются ли еще предложения по повестке дня?» [Там же, с. 181]. Вилли Штоф взял слово и предложил в качестве первого пункта повестки дня: «Освобождение товари-

ща Хонеккера от обязанностей Генерального секретаря и избрание Эгона Кренца Генеральным секретарем» [10, с. 181]. Эрих Хонеккер сначала неподвижно созерцал, но затем пришел в себя: «Я открываю прения» [11, с. 182]. Один за другим высказались все присутствовавшие. Никто из выступавших не поддержал генсека. Гюнтер Шабовский пошел даже дальше остальных, расширив рамки обсуждавшегося предложения и потребовал также отставки Хонеккера с постов председателя Государственного совета и председателя Национального совета обороны. Даже друг юности Гюнтер Миттаг отмежевался от Хонеккера. Альфред Нойманн, с другой стороны, потребовал отставки Миттага и Йоахима Хермана. Эрих Мильке сделал первое лицо в стране ответственным за почти все современные непорядки в ГДР и пригрозил, что он огласит имеющуюся у шефа штази компрометирующую информацию в случае, если Хонеккер не объявит о своей отставке [7].

Спустя три часа было принято единодушное решение Политбюро. Хонеккер проголосовал, как это было принято, за свою собственную отставку. ЦК СЕПГ было предложено освободить Хонеккера, Миттага и Херманна от их обязанностей. На следующем заседании ЦК присутствовало 206 членов и кандидатов в члены. Лишь 16 отсутствовало, в том числе Маргот Хонеккер, супруга генсека. ЦК последовал рекомендации Политбюро. Единственный голос против был подан 81-летней Ханной Вольф, бывшим директором высшей партийной школы. Официальная формулировка была такова: «ЦК удовлетворил просьбу Эриха Хонеккера об освобождении его по состоянию здоровья от обязанностей Генерального секретаря, от поста председателя Государственного совета и обязанностей председателя Национального совета обороны ГДР» [13]. Эгон Кренц был при всеобщем одобрении единодушно избран новым Генеральным секретарем ЦК СЕПГ. 20 октября 1989 г. была также освобождена от занимаемых постов бывшая первая леди ГДР Маргот Хонеккер [Там же].

После отставки время работало против экс-лидера ГДР. Октябрьская революция 1989 г. маркировала появление принципиально новых реалий, в интерьере которых каждый из соотечественников Эриха Хонеккера нес всю меру ответственности за свои дела и поступки независимо от места в табели о рангах. Впервые в истории страны прокуратура и Народная палата ГДР в рамках реально действовавшего механизма разделения властей смогли быть объективными в этом вопросе. Специальная комиссия Народной палаты была уполномочена парламентом страны провести расследование злоупотреблений служебным положением со стороны представителей высшего слоя коммунистической номенклатуры, которое

производилось на очевидной доказательной базе. Семь часов (!) депутаты парламента с пристальным интересом слушали итоговый доклад комиссии. Согласно выводам комиссии, подобные злоупотребления имели место в масштабах, дающих основание для возбуждения уголовного дела. Прокуратура приняла соответствующее решение, инкриминировав Хонеккеру и его окружению ряд позиций, которые резко компрометировали их в глазах соотечественников. Общество узнало о том, что, во-первых, в результате злоупотреблений эти деятели стали слишком богатыми; во-вторых, всегда имели предостаточно бывшей большим дефицитом валюты, за которую закупали шикарные мебельные гарнитуры иностранного производства; в-третьих, превратили в личную собственность виллы, не вложив в их строительство ни одной марки из личного бюджета; в-четвертых, монополизировали непозволительно большую инфраструктуру для занятий охотой; в-пятых, имели широкую номенклатуру привилегий только по причине должностного положения; в-шестых, неоднократно совершали действия, которые вполне можно квалифицировать как государственную измену [4, с. 14]. Логическим продолжением возбуждения уголовного дела стал домашний арест. В лице Хонеккера под домашний арест попал больной раком человек и, естественно, этот вид ареста сменился нахождением в больнице. Потребовалась срочная операция.

В постоперационный период были возможны два варианта: тюремное заключение и нахождение вне тюремного заключения. Четкие аргументы адвокатов экс-лидера ГДР предопределили последний вариант. Решающим был аргумент состояния здоровья.

Эрих и Маргот Хонеккеры поселяются в доме священнослужителя Хольмера, где они проживут до 3 апреля 1990 г. После эти люди будут находиться в советском военном госпитале Беелитц. Условия для их пребывания были довольно комфортными. В психологическом плане Хонеккер чувствовал себя довольно уверенно до 10 августа 1990 г. Экс-лидер ГДР из первых рук узнает в этот день о том, что отечественная юстиция инкриминирует ему соучастие в убийстве. Берлинская прокуратура с этого дня была тверда и настойчива в своем требовании о привлечении к уголовной ответственности автора приказа, исполнители которого стреляли на поражение по соотечественникам, пытавшимся пересечь внутригерманскую границу, и главного виновника установки мин на гэдээровском участке этой границы. В создавшейся ситуации события могли развиваться только по двум сценариям. Первый сценарий: дело передается в суд, суд приговаривает некогда всесильного Хонеккера к лишению свободы в колонии строгого режима. Второй сценарий: бегство

из Германии с тем, чтобы стать недосягаемым для берлинской прокуратуры. Укрепление позиций будущих гэкачепистов в советском руководстве обеспечило реализацию второго сценария в первой половине марта 1991 г. 13 марта 1991 г. кабинет Г. Коля получил официальную информацию о втором сценарии как о свершившемся факте. В качестве субъекта ее предоставления выступил Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в ФРГ В.П. Терехов. Действуя в правовом поле, представители высшего органа исполнительной власти германского государства не могли не выразить протест. Однако дальше формального протеста этот орган тогда не пошел [11, с. 222].

Пребывание четы Хонеккеров в СССР происходило без четкого правового статуса. Вместе с тем до августовского путча 1991 г. она была вполне удовлетворена отношением со стороны советских властей.

Крах ГКЧП, начало эпохи Б. Ельцина, который стал позиционировать себя как убежденный антикоммунист, предопределили возникновение принципиально новой ситуации вокруг Эриха Хонеккера. Новые советские реалии обретали плоть и кровь в то время, когда в объединенной Германии на скамью подсудимых сели те, кто стрелял на поражение по соотечественникам. Цепная реакция была неизбежной: все больше германцев переключало внимание на необходимость суда над высшей инстанцией, которой подчинялись данные пограничники. Эта инстанция в лице Хонеккера никак не пользовалась расположением со стороны российского президента. Последний хорошо знал, что германская сторона не собиралась дезавуировать свой протест от 13 марта 1991 г. и все больше склонялся к тому, чтобы исключить дальнейшее пребывание Хонеккера на советской территории. В создавшейся ситуации экс-лидер ГДР задумывается над оптимальными вариантами эмиграции, отдав предпочтение ходатайству о предоставлении политического убежища в Чили [Там же, с. 234].

Чилийский вариант представлялся предпочтительным по следующим причинам. Известно, что в сентябре 1973 г. в Чили произошел государственный переворот. Эра Пиночета с самого начала отличалась жестоким преследованием представителей партий, которые входили в Народный фронт. Поэтому для коммунистов, социалистов, социал-демократов возникла дилемма: остаться в собственной стране и, естественно, находиться под угрозой оказаться в застенках пиночетовского режима или оперативно эмигрировать и таким образом оказаться вне досягаемости со стороны данного режима. Тысячи коммунистов, социалистов, социал-демократов из этой страны с оперативного согласия руководства ГДР выбирают в качестве места вынужденного проживания социалистическое германское

государство. Конец эры Пиночета означал для них не только сигнал для утраты статуса политических эмигрантов, но и новое начало в политической биографии. Так, четверо из них получили министерские портфели в первом постпиночетовском высшем органе исполнительной власти. Старт постпиночетовской эры имел для Генерального секретаря ЦК СЕПГ и глубоко личное измерение. Перестал быть политэмигрантом зять Хонеккера, и младшая дочь лидера ГДР, естественно, оказалась в Чили.

Согласно формальной логике, все должно было складываться в пользу Хонеккера. Казалось бы, наличие лобби из числа бывших политэмигрантов гарантировало оперативное решение вопроса. Реалии же оказались сложнее. Совершенно неожиданно для Хонеккера официальный Сантьяго сначала зациклился на жестком прагматизме. Там понимали, что из-за наличия такого эмигранта постпиночетовское правительство получит проблемный комплекс, одновременно касавшийся и чилийско-германских, и чилийско-российских отношений. В Сантьяго, конечно, не могли не знать, что начиная с 10 декабря 1991 г. Кремль больше не желал видеть Хонеккера на подвластной ему территории. Именно в этот день официальная Москва, к которой экс-лидер ГДР ряд десятилетий испытывал глубокие симпатии, жестко определяет для него сорок восемь часов, за которые он обязан был оказаться вне РСФСР. Об этом экс-лидеру ГДР заявил не второразрядный чиновник, а член правительственного кабинета Николай Фёдоров, возглавлявший довольно значимое в правоохранительной системе министерство юстиции РСФСР [4].

В создавшейся ситуации у Хонеккера оставалась только надежда на лобби в посольстве Чили в СССР: главным лоббистом не мог не выступать Клодомиро Альмейда. В 1970–1973 гг. он был известен как глава чилийского внешнеполитического ведомства, т.е. как главный дипломат правительства Народного единства. Об этом человеке явно недостаточно сказать, что он не менее десяти лет имел на родине Сони Хонеккер тот же политический статус, что и ее муж. Он был вхож в семью Хонеккеров. Клодомиро и Ирина Альмейды перманентно поддерживали доверительные отношения с Эрихом и Маргот Хонеккерами, были частыми гостями в их доме. Клодомиро и Ирина понимали, что, находясь на территории их дипломатического учреждения, Эрих и Маргот подпадут под действие принципа экстерриториальности. Доставить их на территорию посольства было лишь делом техники, что было сделано Ириной 11 декабря 1991 г. Эта женщина села за руль автомобиля, принадлежавшего посольству ее страны, спокойно направилась к месту нахождения своих друзей, которые вначале стали пассажирами этого автомобиля, а затем пополнили число обитателей чилийского посольства. Авторитет Кло-

домиро был таков, что его родное правительство не требовало от него в жесткой форме выдворять Хонеккера из посольства. Конечно, Москва и Бонн вели по этому вопросу переговоры с Сантьяго. Развязка непростой ситуации наступит только в июле 1992 г. Был реализован план, центральный момент которого был предсказуем: Клодомиро Альмейда должен оказаться в Сантьяго. Воспользовавшись отсутствием покровителя Хонеккера, российская сторона заставляет его сделать то, что она предписывала 10 декабря 1991 г. Сначала будет автомобильный путь в присутствии четырех охранников диппредставительства по маршруту: посольство Чили в СССР – аэропорт Внуково, затем воздушный путь по маршруту: аэропорт Внуково–аэропорт Шёнефельд. Если раньше Хонеккер летал по этому маршруту как первое лицо государства, то теперь как будущий заключенный тюрьмы Маобит. Именно арестом и заключением в данную тюрьму было отмечено начало постполетного времени [11, с. 245].

Германская фемида посчитала целесообразным помещение в следственную тюрьму тех, кто подписывал приказ стрелять на поражение по соотечественникам, пытавшимся пересечь внутригерманскую границу. Следовательно, не один Хонеккер сидел тогда в этой тюрьме. Для судей такая категория заключенных была поделены на две неравные части. Меньшая часть была осуждена на конкретные сроки лишения свободы. Большая часть избежала такой участи. Дело в том, что вполне вписывался в правовое поле их ключевой аргумент: серьезные проблемы со здоровьем, подтвержденные объективным медицинским обследованием. Таковым аргументом у Хонеккера были метастазы в печени. Принципиально важно отметить, что первыми эту серьезную проблему у экс-генсека ЦК СЕПГ выявили российские врачи. До сих пор немало людей на постсоветском пространстве возмущаются: «Почему Ельцин, зная о заключении врачей Боткинской больницы, решил экстрадировать Хонеккера в Германию?» После того, как точно такое же заключение сделают германские специалисты по медицинской части, было ясно, что он окажется на свободе. Через 169 дней после прилета в аэропорт Шёнефельд Хонеккер сам был волен принимать решение о собственной судьбе [4].

Конечно, посттюремный отрезок жизни мог быть проведен только в Чили. Альтернативы не было. В Сантьяго прилетел тяжело больной человек, для которого были созданы вполне сносные условия. Начав свой жизненный путь в рабочей семье в буржуазно-юнкерской Германии, он заканчивал его в капиталистической Чили, имея имущественный статус, который был характерен для среднего класса. Этот статус был обеспечен Хонеккеру благодаря реальной помощи и поддержке со стороны дочери Сони. Базисным элементом данного статуса был отдельный домик.

Жители коттеджного поселка, конечно, знали, кто в нем живет. Расположение домика в реальной близости от чилийской столицы было вполне комфортным для Хонеккера. Последний был благодарен Соне не только за купленный домик, но и за моральную поддержку. Необходимость в ней еще больше возрастала в связи с прогрессированием рака печени. Летальный исход наступил 29 мая 1994 г. Примечательно, что Хонеккера хоронили как коммуниста, как бывшего руководителя ГДР. Это была последняя известная историкам церемония, на которой использовался флаг Германской Демократической Республики: им был покрыт гроб Хонеккера. В знак принадлежности усопшего к коммунистическому движению исполнялся «Интернационал» [11, с. 350].

Библиографический список:

1. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М., 2005.
2. Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М., 2005.
3. Патрушев А.И. Германия в XX веке. М., 2004.
4. Последние годы Эриха Хонеккера // Deutsche Welle. Читальный зал. URL: dw-world.de/dw/article/0,,48799 (дата обращения: 20.02.2012).
5. Хонеккер и печник // Совершенно секретно. URL: sovsekretno.ru/magazines/articl (дата обращения: 22.02.2012).
6. Хонеккер Эрих. Из моей жизни. М., 1982.
7. Хонеккера отправила в отставку Штази // Комсомольская правда. URL: kp.ru/daily/25697.5/900453 (дата обращения: 16.02.2012).
8. Цедилина Е.В. Объединение Германии: история и итоги одной революции // Перемены в Восточной Европе: международно-политические аспекты: Сб. ст. / Под ред. В.Н. Шенаева. М., 1991. С. 235–248.
9. Эрих Хонеккер: ГДР погубили саботажники // Известия. URL: izvestia.ru/news/358451 (дата обращения: 22.02.2012).
10. Эрих Хонеккер // Викицитатник. URL: ru.wikiquote.org/wiki/Эрих_Хонеккер (дата обращения: 22.02.2012).
11. Die letzten Jahre des Erich Honecker / Kunze T. Staatschef a.D. Dresden, 2001.
12. Deutschlandtreffen der Jugend // De.wikipedia. URL: de.wikipedia.org/wiki/Deutschlandtreffen_der_Jugend (дата обращения: 17.02.2012).
13. Erich Honecker // De.wikipedia. URL: de.wikipedia.org/.../Eri... (дата обращения: 20.02.2012).
14. Schweigler G. Grundlagen der aussenpolitischen Orientierung der Bundesrepublik Deutschland. Baden-Baden, 1985.